

Система религиозных преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года

Аннотация. В статье исследуется система религиозных преступлений в контексте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как памятника права, знаменующего процесс развития законодательства и правоприменительной практики досоветского этапа развития нашего государства. Выделяются отличия данной группы деяний от посягательств на веру, закрепленных в Соборном Уложении 1649 г. и Артикуле воинском 1715 г., формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: религиозные преступления, богохульство, порицание веры, отступление от церкви, ереси, расколы, оскорбление святыни, святотатство, лжеприсяга.

DOI 10.17803/1994-1471.2017.74.1.055-062

Преступления против веры были известны нашему законодательству еще со времен крещения Руси. Однако долгое время они регулировались церковными уставами и влекли за собой применение церковных наказаний. Вместе с тем ход мировой истории свидетельствует о том, что любая верховная власть в той или иной мере нуждается в поддержке церкви. Данное обстоятельство повлекло за собой необходимость централизованного и легального регулирования посягательств на интересы веры. Применительно к российскому государству наиболее последовательное изложение системы деяний, посягающих на интересы веры, предлагает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение о наказаниях).

Продолжая традицию, заложенную Соборным Уложением 1649 г. и Артикулом воинским 1715 г., Уложение о наказаниях на первое место ставит преступления против веры. Вместе с

тем, необходимо отметить, что это не просто дань традиции и компиляция нормативного материала предшествующих памятников российского права. Законодатель, отражая потребности общественно — политического развития России, выходит на значительно более высокий уровень регулирования данных деяний, что подтверждается не только колоссальным увеличением числа соответствующих норм права, но и расширением сферы правового регулирования, совершенствованием уже известных правовых конструкций.

Первую группу преступлений против веры составляли богохульство и порицание веры. Такое деяние как богохульство было известно и ранее, однако Уложение о наказаниях совершенствует данную группу деяний. Во-первых, уточняется объект богохульства. Хула может возлагаться не только на Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа и святых угодников, но и на их изображения (ст. 182)¹. Во-вторых, уточ-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 69.

© Егоров А. А., 2017

* Егоров Александр Александрович, аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Egorov.a90@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

няются обстоятельства совершения богохульства. Данное деяние могло быть совершено в церкви, не в церкви, но в публичном месте или при собрании более или менее многочисленном (ст. 182) или не в публичном собрании, но при свидетелях (ст. 184)². Таким образом, законодатель отдельно охраняет изображения святых и значительно развивает систему обстоятельств совершения богохульства, что в свою очередь влияло на назначение наказания.

Как и Артикул воинский 1715 г. Уложение о наказаниях вводит ответственность за недонесение о богохульстве (ст. 185)³. Вместе с тем, если Артикул воинский 1715 г. говорит просто о необходимости подать в надлежащем месте извет, то содержание вышеуказанной статьи Уложения о наказаниях четко оговаривает, что привлечение к ответственности было возможно только в случае, когда богохульство совершалось в публичном месте и с умыслом. Данное нововведение не только свидетельствовало о более высоком уровне законодательства и правоприменительной практики, но и снижало возможности для огульных обвинений, ограничивая масштаб судебно — административных репрессий. Артикул воинский 1715 г. в качестве смягчающего обстоятельства богохульства выделял легкомыслие (арТ. 6)⁴. Категория «легкомыслие» представляется слишком широкой и даже абстрактной. Уложение о наказаниях расширяет перечень смягчающих вину обстоятельств и говорит о совершении богохульства по неразумию, невежеству или пьянству (ст. 186)⁵. Хотя данные характеристики вряд ли можно считать исчерпывающими, но они видятся более определенными на практике. Таким образом, законодатель расширяет объект богохульства, определяет тяжесть наказания в зависимости от обстоятельств его совершения

и справедливо расширяет перечень смягчающих вину обстоятельств в случае совершения богохульства без умысла.

В данную группу преступных деяний добавляются новые составы, которые не были известны ни Соборному Уложению 1649 г. ни Артикулу воинскому 1715 г. Так, статья 187 Уложения о наказаниях закрепляет положение, согласно которому богохульство могло совершаться посредством распространения печатных или письменных сочинений⁶. К новеллам относятся язвительные насмешки, выражающие явное неуважение к церкви и ее обрядам, а также распространение с целью поколебать уважение к святыни, сделанных в соблазнительном виде икон и других изображений предметов, относящихся к вере и богослужению (ст. 188, 189)⁷. Необходимо отметить, что, несмотря на более высокий уровень регулирования данной группы деяний, в Уложении о наказаниях достаточно часто используются оценочные и не совсем определенные категории: «собрание более или менее многочисленное», «с умыслом поколебать уважение к святыни», «язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам или обрядам церкви Православной» и т.д.

Уложение о наказаниях существенно расширяет регулирование деяний, представляющих собой отступление от церкви и ее постановлений. Переход из православия в нехристианскую веру считался наиболее тяжким преступлением⁸. Если Соборное Уложение только упоминает о совращении православных в нехристианскую веру и рассматривает это деяние отдельно от группы религиозных преступлений, то теперь законодатель не только рассматривает это деяние как преступление против веры, но и существенно развивает его квалифицирующи-

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 70.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 70—71.

⁴ Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб, 1777. С. 6.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 71.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 71, 72.

⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 72, 73.

⁸ Андрусенко О. В. Очерки по истории систематизации уголовного законодательства Российской империи первой половины XIX века : монография. Екатеринбург, 2010. С. 104.

ми признаками. Так, отвлечение православного в нехристианскую веру могло совершаться путем уговоров, обольщений или иными средствами. Применение к православному насилия для отступления от христианской веры следует рассматривать в качестве квалифицирующего признака, увеличивавшего наказание (ст. 190)⁹. Важно отметить, что законодатель устанавливал ответственность не только за отвлечение православного в нехристианскую веру, но и за соращение православного в иное христианское вероисповедание, аналогично рассматривая применение насилия в этом случае в качестве квалифицирующего признака.

Важно отметить, что законодатель не исчерпывал способы склонения к иной вере уговорами, обольщением или насилием. Статья 197 устанавливает ответственность за привлечение и соращение православных в иную веру через проповеди или сочинения¹⁰. Особая опасность данного состава видится в том, что проповедь или сочинение были адресованы неопределенному кругу лиц и могли привести к массовым волнениям среди населения. Вероятно, по этой причине Уложение о наказаниях запрещало и неприличные споры, распри и брань в общенародных собраниях по вопросам различных вероисповеданий.

Таким образом, можно отметить, что Уложение о наказаниях запрещало православным переходить не только в нехристианскую веру, но и в иное христианское вероисповедание, а также в еретические секты и раскольнические толки. Уложение о наказаниях карало не только отвлечение от веры путем уговоров, обольщений или насилия, но и запрещало препятствование кому-либо добровольно присоединиться к церкви Православной. При этом квалифицирующим признаком данного вида преступного деяния было применение не толь-

ко насилия, но и угрозы или притеснения (ст. 199)¹¹. Подлежали ответственности также лица, которые знали и не приняли мер для того, чтобы отговорить от отступления от православной веры своих жен, детей или лиц, находящихся у них под наблюдением или опекой (ст. 200)¹². К данной группе деяний близко примыкают ереси и расколы.

Уложение о наказаниях достаточно подробно регламентировало группу преступлений против веры, посвященную ересям и расколам. Как справедливо отмечает О. В. Андрусенко: «Уложение не содержало никаких определений о том, что такое ересь, раскол, старообрядчество, приверженцам которых запрещалось публичное отправление богослужений и постройка церквей»¹³. Однако, несмотря на этот очевидный недостаток, данная группа деяний не получила легального закрепления в предшествующем законодательстве. Следовательно, такие категории как «ересь» и «раскол» требуют некоторого пояснения.

Раскол в Русской православной церкви возникает в середине XVII в. Неслучайно Артикул воинский 1715 г. упоминает в своем тексте о чародеях и волшебниках. Борьба государства с ересями и расколами в различные исторические периоды отличалась то усилением, то ослаблением гонений. Придя к власти, Николай I усиливает гонения на ереси и расколы. Само понятие ересь и раскол не получили единого толкования.

Так, П. Д. Калмыков пишет: ««Под сим разумеется учение о вере, уклоняющееся от учения православной греко-кафолической церкви. Названия «ереси» и «расколы» одинаковы; первое из них есть слово греческое, а другое русское»¹⁴. Современный исследователь Л. Д. Башкатов отмечает, что в Уложении 1845 г. ересь трактуется «как проповедование,

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 73, 74.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 76, 77.

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 77, 78.

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 78.

¹³ Андрусенко О.В. Указ. соч. С. 103.

¹⁴ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. СПб.: Типография Товарищества Общественная польза, 1866. С. 485.

или отвлечение иным путем, иной, нехристианской, во всяком случае, неправославной, веры в массовом масштабе, а раскол как публичная пропаганда своего вероучения и иные формы массового отвлечения... от христианской, прежде всего, православной, веры»¹⁵. При этом большинство исследователей Уложения о наказаниях считают, что ересь и раскол не имеют единообразного толкования.

Распространение ереси и раскола было запрещено. Ответственность увеличивалась за применение насилия (ст. 210)¹⁶. Уложение о наказаниях предусматривало уголовную ответственность за сам факт принадлежности к изуверским сектам, проповедовавшим посягательство на свою жизнь или жизнь других, членовредительство, явно безнравственные действия. В случае совершения смертоубийства или покушения на совершение убийства по мотивам такого фанатизма данное деяние расценивалось как убийство с заранее обдуманным намерением.

Уложение о наказаниях не только закрепляло ответственность за богохульство, порицание веры и распространение ересей и расколов, Т. Е. за активные противоправные действия, но знало также случаи неисполнения обязанностей, которые выражались в уклонении от исполнения постановлений церкви. К данной группе деяний относятся неисполнение уставов церкви, уклонение от исповеди, погребение без совершения христианских обрядов. Важным преступлением с точки зрения общественной нравственности является хождение без особого надлежащего дозволения с образами, свечами или книгами для сбора на церковные строения, монастыри или другие богоугодные заведения (ст. 221)¹⁷.

Отдельная группа преступлений против веры регламентировала посягательства на свя-

тыню и нарушение церковного благочиния во время священной службы и вне церкви. Уложение о наказаниях закрепляет уже известные предшествующему законодательству составы преступных деяний — срыв богослужения, непристойные обращения к священнослужителям. Вместе с тем, прослеживаются определенные новации.

Так, Уложение о наказаниях предусматривает намеренный срыв богослужения, сопряженный с побоями или другими насильственными действиями в отношении священнослужителей. Вместе с тем, совершение такого деяния в состоянии опьянения смягчало вину (ст. 224)¹⁸. Соборное Уложение 1649 г. регламентировало случаи причинения смерти или нанесения увечий кому — либо в стенах церкви и рассматривало место совершения преступления в качестве квалифицирующего признака. Уложение о наказаниях отдельно оговаривает случаи умышленного убийства священнослужителя, а также причинения ему увечья или ран. Несомненной качественной новацией является появления такого состава преступления как истребление или повреждение находящихся в публичных местах предметов культа (ст. 230)¹⁹. Данное деяние не только умаляло авторитет веры, но и, несомненно, нарушало общественный порядок. Говоря о посягательствах на порядок богослужения в церкви, следует отметить, что законодатель отдельно оговаривает такие посягательства как занятие места, предусмотренного для священнослужителя, а также занятие места, предусмотренного для императорской фамилии.

Посягательства на благочиние во время богослужения вне церкви включали в себя совершение бесчинства близ церкви, а также открытие торговой лавки до окончания литургии или во время крестного хода (ст. 237, 238)²⁰. Наибо-

¹⁵ Башкатов Л.Д. Религиозная преступность: уголовно- правовые и криминологические проблемы. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2001. С. 37.

¹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 81, 82.

¹⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 85, 86.

¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 87, 88.

¹⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 90.

²⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 92, 93.

лее многочисленная группа преступлений против веры регламентирует святотатство, разрытие могил и ограбление мертвых тел.

Анализ предшествующего законодательства однозначно свидетельствует о том, что хотя законодатель и подразумевал под святотатством религиозный характер, но рассматривал данное деяние как квалифицированный вид кражи. Впервые в Уложении о наказаниях, по предложению М. М. Сперанского, оно стало религиозным преступлением.

Под святотатством понималось «всякое похищение церковных вещей и денег, как из самих церквей, так и из часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ» (ст. 241)²¹. Важной новацией законодателя является указание на то, что святотатство не ограничивается похищением вещей и денег только из самих церквей. В этом смысле преодолевается непоследовательность, известная еще Соборному Уложению 1649 г., которое рассматривало кражу церковных вещей вне времени богослужений отдельно от группы религиозных преступлений. С другой стороны, Уложение о наказаниях никак не раскрывает перечень предметов, относящихся к церковным вещам, что можно объяснить недостаточным уровнем развития общественных отношений и юридической техники. Важно отметить, что, несмотря на то, что святотатство становится религиозным преступлением, его двойственная природа сохраняется. Оно не только оскорбляет чувства верующих, но и сохраняет свою имущественную окраску. Как справедливо отмечает Н. Н. Помогалова: «Святотатство, как имущественное посягательство, направленное на священные или освященные предметы, заключает в себе два момента: корыстную цель, свойственную имущественным посягательствам вообще, и оскорбление религиозного чувства верующих»²². Наказание

за святотатство увеличивалось, если оно было сопряжено с оскорблением святыни, насильственными действиями или со взломом. Уложение о наказаниях отдельно оговаривает случай насильственного ограбления часовни, которое не было сопряжено со смертоубийством и нанесением увечий (ст. 242)²³.

Уложение о наказаниях регламентирует также хищение со взломом из самой церкви (ст. 243), из другого церковного хранилища (ст. 245-246), совершение похищения из церкви без взлома и обдуманного намерения (ст. 247) и т.д. Данный способ изложения нормативного материала ведет к нагромождению сходных по составу статей и, с точки зрения современной юридической науки, представляет собой квалифицированные составы. Такое обилие статей можно объяснить стремлением законодателя охватить нормами Уложения о наказаниях как можно большее число преступлений против веры и неразвитостью юридической техники. Уложение о наказаниях справедливо увеличивает наказание за святотатство, учиненное тем лицом или лицами, которым было поручено хранение похищенных предметов, вещей или денег (ст. 250)²⁴.

Разрытие могил и ограбление мертвых тел представляет собой новацию, неизвестную предшествующему законодательству. Данный вид деяний, как правило, совершался с целью ограбления мертвых тел и поругания над погребенными. Смягчало вину совершение данного деяния для каких-либо суеверных действий. Наиболее мягкое наказание за данное деяние назначалось в случае его совершения по шалости или в пьянстве (ст. 256)²⁵. Совершение данных деяний по шалости представляет собой достаточно неопределенную юридическую конструкцию, так как сама категория «шалость» не имеет какого — то определенного толкования и носит скорее нравственный,

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 94.

²² Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2003. С. 105.

²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 94.

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 99.

²⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 102.

а не правовой характер. Смягчение наказания здесь можно связать с отсутствием умысла на совершение данных деяний.

Истребление, повреждение надгробных памятников возлагало на виновного обязанность исправить их за свой счет, а похищение надгробного памятника или его наружных украшений квалифицировалось как воровство-кража. Представляется, что разрытие могил и ограбление мертвых тел следует рассматривать как посягательство на общественную нравственность. С точки зрения современного законодателя данные деяния посягают на общественную нравственность и отчасти на отношения собственности, так как речь идет об ограблении мертвых тел и похищении надгробных памятников.

Преступлением против веры признавалась и лжеприсяга, которая могла быть совершена как с обдуманном намерением или с умыслом, так и по замешательству в трудных обстоятельствах (ст. 258, 260)²⁶. Законодатель того времени признавал святость присяги, однако, данное преступление нельзя однозначно отнести к посягательствам на веру. Важно отметить, что Уложение о наказаниях отдельно оговаривает случай намеренного принесения лжеприсяги, приводящий к несправедливому применению уголовного наказания в отношении обвиняемого (ст. 259)²⁷. Данный запрет, безусловно, коррелируется с веяниями современной юридической науки, которая однозначно запрещает привлечение невиновного к какому — либо виду юридической ответственности. Данное достижение законодателя нивелируется тем, что привлечение заведомо невиновного к ответственности и назначение ему наказания вряд ли можно квалифицировать в качестве религиозного преступления.

Подводя итог рассмотрению системы религиозных преступлений, закрепленной в Уложении о наказаниях, нельзя ни сделать некоторые обобщающие выводы, которые заключаются в позитивных и негативных характеристиках данной системы.

Несомненные достижения законодателя видятся в следующем: во-первых, это расширение объекта богохульства и обстоятельств его совершения. Во-вторых, достаточно четкое нормативное изложение случаев отступления от веры и свращения в нехристианскую веру. Также Уложение о наказаниях акцентирует внимание на религиозной природе святотатства, которое сохраняет свою имущественную составляющую, но не сводится к квалифицированному виду кражи. Вместе с тем, нормы Уложения о наказаниях имеют и явные недостатки: отсутствие определений «ереси» и «раскола», объекта святотатства, под которым понимались церковные вещи, но не приводилось их перечня. Включение в группу религиозных преступлений деяний, которые не носят религиозного характера: издание старопечатных книг не в Московской типографии, разрытие могил и ограбление мертвых тел, лжеприсяга и др. Недостатком системы религиозных преступлений является и сохранение непомерно суровых наказаний, что, несомненно, является архаизмом, заимствованным из предшествующего законодательства. Так, кража любой вещи у нищего наказывалась просто тюрьмой без ограничения прав. В свою очередь, кража любого церковного имущества влекла лишение прав всех состояний и ссылку на каторжные работы.

Несомненным недостатком следует признать «нагромождение» нормативного материала. Так, в случае святотатства законодатель выделяет в отдельные составы множество сходных деяний, которые следует рассматривать в качестве квалифицирующих признаков.

Вместе с тем, Уложение о наказаниях знаменует завершение этапа досоветского развития нашего государства. Несмотря на неоднозначную оценку, система религиозных преступлений выглядит более совершенной и последовательной по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. и Артикулом воинским 1715 г. В дальнейшем возникает советское государство, которое принято считать государством воин-

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 103, 104.

²⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 103—104.

ствующего атеизма и отношение к институту церкви в целом кардинально меняется.

Необходимо также отметить, что сегодня Российская Федерация и на уровне государственной политики и на уровне правового регулирования терпимо относится ко всем вероисповеданиям, что соответствует позиции подавляющего большинства цивилизованных государств современного мира. Важной тенденцией данного процесса следует признать проецирование принципов светского государства на систему образовательного процесса. Как

справедливо отмечает И. А. Пибает: «Одним из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере российского образования является принцип светского характера образования в государственных, муниципальных учреждениях, осуществляющих образовательную деятельность»²⁸.

Данный принцип, несомненно, будет способствовать не только повышению религиозной грамотности населения и веротерпимости, но и прогрессивному развитию российского общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрусенко О. В. Очерки по истории систематизации уголовного законодательства Российской империи первой половины XIX века : монография. — Екатеринбург, 2010.
2. Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. — СПб., 1777.
3. Башкатов Л. Д. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. — М. 2001
4. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. — СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1866.
5. Пибает И. А. Право на религиозное образование в светском государстве (на примере Российской Федерации и Италии) // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9 (58). — С. 52—59.
6. Помогалова Н. Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: дис. ... канд. юрид. наук. — М. 2003.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб., 1845.

Материал поступил в редакцию 08 августа 2016 г.

THE SYSTEM OF RELIGIOUS CRIMES UNDER THE CODE OF PENAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS OF 1845

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich - Postgraduate Student of the Department of the Theory of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Egorov.a90@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul.Sadovaya-Kudrinskaya, d.9

Review. *The article examines the system of religious crimes in the context of the Code of Penal and Correctional Punishments of 1845 as an ancient law encapsulating the process of development of the legislation and law enforcement practice of the pre-Soviet stage of the State development. The author highlights the differences of that group of acts as compared with assaults on faith enshrined in the Sobornoye Ulozhenie of 1649 (the Council Code of 1649) and in the Artikul Voinskiy of 1715 (the Articles of War of 1715) and draws general conclusions.*

Keywords: *religious crimes, blasphemy, censure of the faith, derogation from the Church, heresies, schisms, desecration of holy shrine, sacrilege, perjury.*

²⁸ Пибает И. А. Право на религиозное образование в светском государстве (на примере Российской Федерации и Италии) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58). С. 52.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrusenko O. V. Ocherki po istorii sistematizacii ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii pervoj poloviny XIX veka : monografija. — Ekaterinburg, 2010.
Artikul voinskij s kratkim tolkovaniem i s processami. — SPb., 1777.
2. Bashkatov L. D. Religioznaja prestupnost': ugovno-pravovye i kriminologicheskie problemy : dis. ... kand. jurid. nauk. — M. 2001
3. Kalmykov P. D. Uchebnik ugovnogo prava. — SPb. : Tipografija Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1866.
4. Pibaev I. A. Pravo na religioznoe obrazovanie v svetskom gosudarstve (na primere Rossijskoj Federacii i Italii) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2015. — № 9 (58). — S. 52—59.
5. Pomogalova N. N. Otvetstvennost' za prestuplenija protiv sobstvennosti po Ulozheniju o nakazanijah ugovnyh i ispravitel'nyh 1845 g.: dis. ... kand. jurid. nauk. — M. 2003.
6. Ulozhenie o nakazanijah ugovnyh i ispravitel'nyh. — SPb., 1845.